

После того как с этими людьми было покончено, императрица-вдова и Ли Чанъгэ оба облегченно вздохнули. Императрица, державшаяся из последних сил, обессилела, ее тело обмякло, и она повалилась на грудь Ли Чанъгэ.

В тишине, в тесном пространстве, где их дыхание смешивалось, они встретились взглядами. Один выше, другой ниже, один сверху, другой снизу. Ли Чанъгэ вдохнул тонкий аромат, исходящий от императрицы, его дыхание сбилось, и он невольно сглотнул. Звук сглатывания прозвучал в тихих покоях пугающе отчетливо.

От нахлынувшего жара лицо императрицы-вдовы залилось краской, а в некогда суровых глазах-фениксах заблестели слезы. Жгучий взгляд Ли Чанъгэ вызывал у нее одновременно стыд и гнев. Она подумала: этот маленький евнух до чего же дерзок, как он смеет так на нее смотреть? Это же настоящее святотатство! Если бы она сейчас не была тяжело ранена, она бы непременно прибила его на месте!

Императрица попыталась подняться, но из-за ран и привычки к изнеженной жизни ее тело было слишком слабым. Конечности не слушались, и стоило ей приподняться, как руки подкосились, и она снова рухнула в крепкие, широкие объятия Ли Чанъгэ.

Неизвестно когда, но Ли Чанъгэ уже раскрыл руки, едва обнимая ее.

— Ваше Величество... вы... вы в порядке?

Если бы его глаза не были прикованы к ней, а сердце не колотилось, как барабан, императрица могла бы поверить, что у него нет дурных помыслов.

— М-м... мерзкий раб, еще не помог мне встать! — прошептала она, бросив на евнуха яростный взгляд.

Этот взгляд, полный невыразимого очарования, вскружил Ли Чанъгэ голову. Ее голос, вкрадчивый и соблазнительный, заставил его еще неопытное естество отозваться самым недвусмысленным образом. Я еще молод, мне еще нет восемнадцати, слишком рано вступать в связь с женщинами, это вредно для здоровья, можно и помереть раньше времени!

Почувствовав, как в нем просыпается зверь, Ли Чанъгэ испугался не на шутку. Он мгновенно отбросил все греховные мысли, поспешно поднялся и, стараясь не касаться тела императрицы, взял ее за руки.

— Ваше Величество, позвольте помочь вам, — виновато улыбнулся он.

Под грозным взглядом императрицы Ли Чанъгэ метнулся к кровати и подложил ей под поясницу несколько мягких подушек. Под его ладонями чувствовалось нежное тело, нос щекотал пьянящий аромат зрелой красавицы. В голове снова всплыли непристойные образы, а взгляд невольно скользнул по ее пышным формам, которые так выгодно подчеркивал гладкий шелк одеяния.

Но стоило вспомнить, что эта лже-императрица из секты Шэньлун, что она жестока и убивает не моргнув глазом, как Ли Чаньгэ тут же пришел в себя. Он не смел переходить границы, боясь, что его прикончат одним ударом ладони.

Румянец на щеках императрицы еще не сошел. Она посмотрела на коленопреклоненного Ли Чаньгэ и холодно спросила:

— Ты слышал, что он только что нес?

Ли Чаньгэ, ожидавший этого вопроса, поднял глаза на ее прекрасное лицо, вздрогнул и тут же снова опустил голову.

— Отвечаю Вашему Величеству: раб стоял далеко, за двором, и ничего не слышал. У той старой лисы уши чуткие, я боялся подойти ближе, чтобы не выдать себя. Я видел только, что он с Вами разговаривал, но слов не разобрал. А потом увидел, как Хай Дафу напал на Вас. Вы оказали мне великую милость, я не мог оставаться в стороне, иначе как бы я отплатил за доброту Вашего Величества и Его Императорского Величества?

Ледяное выражение лица императрицы немного смягчилось, тело расслабилось, а внутренняя энергия, собранная в ладонях, рассеялась.

— Тебе повезло. Это ты ослепил Хай Дафу ядом?

Ли Чаньгэ сделал вид, что трет глаза, отчего те покраснели, и с обидой в голосе воскликнул:

— Ваше Величество, какая несправедливость! Он силой утащил меня во дворец, сделал евнухом, каждый день избивал, морил голодом, травил ядом и постоянно поносил Вас и Его Величество. Мы с ним заклятые враги!

Императрица с многозначительной полуулыбкой посмотрела на него:

— Мне неважно, слышал ты или нет. Но если до моих ушей дойдет хоть слово — береги свою голову.

Ли Чаньгэ про себя выругался, пожалев, что не прикончил эту ведьму сразу, но на лице изобразил подобострастную улыбку:

— Раб правда ничего не слышал, и разносить нечего. Если бы не милость Вашего Величества, простившего мое невежество и осыпавшего меня наградами, я был бы никем. Я всегда буду помнить Вашу доброту.

Императрица пнула его ногой, сбрасывая с кровати:

— Ладно, ты хороший мальчик, умеешь быть благодарным. Зажги свечи на столе.

— Слушаюсь.

Ли Чанъгэ кубарем покатился по полу, поспешно вскочил, достал из-за пазухи огниво — на самом деле из своего тайного пространства — и зажег свечу. В темноте стало светлее.

— Подойди, дай мне на тебя посмотреть, — лениво бросила императрица.

Сердце Ли Чанъгэ забилося в тревоге. Он, сгорбившись и сжимая ноги, подошел к кровати. Ее кожа была бела, как снег, на щеках играл легкий румянец, тонкая шея и черные, влажные глаза-фениксы заставили его кровь закипеть.

Императрица обнажила нежную, как корень лотоса, руку и приподняла край занавески. Она заметила кровь на его одежде — раны были серьезными, но двигался он легко и говорил уверенно. Неужели притворяется? Или раны действительно тяжелы? Императрица сверкнула глазами, раздумывая, не проверить ли его?

Ли Чанъгэ стоял на коленях, опустив голову, в его глубоких черных глазах мелькали искры, а опущенные руки беззвучно легли рядом с сапогами.

— Довольно. Уходи, — императрица отдернула руку, и занавеска опустилась.

— Слушаюсь.

Ли Чанъгэ попятился, быстро вышел из дворца Цынин и, обманув стражу, направился напрямик в покои Хай Дафу. Точнее, теперь это были его владения. Первым делом он выбросил все вещи Хай Дафу, решив, что утром попросит в Ведомстве внутренних дел новые постельные принадлежности и посуду. Он не желал пользоваться тем, к чему прикасался этот старик.

После всех потрясений Ли Чанъгэ почувствовал страшную усталость. Приняв ванну и переодевшись, он лег на кушетку в задней комнате и мгновенно уснул.

На следующее утро его разбудили крики снаружи. Он потер ноющие виски — грудь и спина уже не болели, но в животе отчаянно урчало.

— Господин Гуй, великая радость! Великая радость! Открывайте же!

Ли Чанъгэ, накидывая одежду, с недовольством распахнул дверь:

— С утра пораньше, какая еще радость?

За дверью стояли четверо евнухов, расплывшихся в улыбках. Они пали ниц:

— Поздравляем господина Гуй! Поздравляем!

— Какая радость? Рассказывайте, — Ли Чанъгэ сел в кресло и посмотрел на них сверху вниз.

— Прошлой ночью глава Управления продовольствия евнух Хай внезапно скончался от старой болезни. С утра пришел указ императрицы: вас, господин Гуй, назначают новым главным евнухом Управления продовольствия!

Один из евнухов прополз вперед, заискивающе улыбаясь, желая выслужиться.

— Да-да, мы не дождались гонцов из Ведомства, прибежали поздравить первыми! Теперь вы, господин Гуй, будете командовать всей кухней, это же просто замечательно!

Ли Чанъгэ поднялся и с улыбкой помог им встать. Он понял: императрица повысила его, чтобы купить молчание. Значит, жизнь его пока в безопасности.

— Вставайте, вставайте, все свои. Вот вам немного серебра, разделите между собой.

Он щедро выудил из рукава четыре серебряных слитка. Забравшись в свои запасы, он раздал награду. А четыреста пятьдесят тысяч таэлей, конфискованных у Аобая, лежали в пространстве нефритового кулона.

Разогнав евнухов, он вскоре принял указ от людей из Ведомства внутренних дел, снова раздал серебро и попросил прислать новые вещи. Получив деньги, евнухи наперебой бросились исполнять его поручения, желая угодить новому фавориту императрицы и императора. Все присланное было отобрано лучшего качества, а разбитые окна починили в тот же миг.

<http://bllate.org/book/19451/1907805>